

Боевой путь Первой гвардейской дивизии

И. КРЫВЕЛЕВ

Батальонный комиссар

В сентябре 1941 года, на третьем месяце отечественной войны, товарищ Сталин подписал приказ о создании советской гвардии. Из числа лучших дивизий Красной Армии, с честью прошедших суровую школу первых месяцев войны, Народный Комиссар Обороны отобрал четыре, присвоив им наименование гвардейских. И на первом по счету месте среди них в приказе Народного Комиссара была 100-я ордена Ленина стрелковая дивизия. Она стала Первой гвардейской дивизией Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

С начала отечественной войны дивизия почти непрерывно участвует в боях с немецко-фашистскими захватчиками. В этих боях люди дивизии показали великолепные образцы самоотверженной любви к родине и воинской доблести.

22 июня, когда вооруженные силы фашистской Германии обрушились на нашу западную границу, 100-я ордена Ленина стрелковая дивизия находилась на зимних квартирах под Минском, в районе Уручья. Дивизия жила разносторонней жизнью красноармейской воинской части. Напряженная и упорная учеба сочеталась с культурным отдыхом, разумными развлечениями, спортом. На 22 июня был назначен в дивизии физкультурный праздник. В этот день при дивизии должен был открыться парк культуры и отдыха со спортивным стадионом. Шла деятельная подготовка к празднику. Выравнивались и посыпались песком дорожки и площадки, достраивались гимнастические городки. Группы физкультурников репетировали номера, которые они должны были показать на празднике. Но физкультурный праздник не состоялся.

В 6 часов утра все части и подразделения дивизии были подняты по боевой тревоге. Вскоре были розданы боевые патроны, гранаты. Артиллерийские части получили снаряды. Все были предупреждены о том, что надо быть готовыми к немедленному выполнению боевых задач.

Через несколько часов все части дивизии получили приказ о выходе с зимних квартир. Полки сосредоточились в окрестных лесах.

Характер и размеры прозвизвшей опасности были, однако, еще не достаточно ясны. Все стало понятно только тогда, когда в полдень бойцы и командиры дивизии услышали по радио выступление товарища Молотова. Фашистская Германия навязала нам войну! По приказанию кровавого маньяка Гитлера фашистские войска вторглись на нашу территорию, германская авиация бомбила наши города. Все поняли, что начинается решительная борьба не на жизнь, а на смерть — борьба за свободу, независимость, за самое существование нашей родины.

Четыре первых дня войны дивизия по приказу командования оставалась в районе Минска. Шло ее доукомплектование за счет приписного состава.

И вот, наконец, дивизия получает боевой приказ — 26 июня выйти на передовые позиции и занять оборону у местечка Острошицкий Городок. На рассвете дивизия начала марш и подошла к указанному ей рубежу, но свободно занять его она уже не могла: Острошицкий Городок был захвачен немцами.

Безостановочно двигались к линии фронта все новые и новые вражеские части. На фронте против нашей дивизии действовали такие войсковые массы противника, по сравнению с которыми она оказывалась незначительной кучкой людей. Вражеские полчища подавляли своим численным и техническим превосходством.

К середине дня 28 июня большим силам противника удалось прорваться сквозь боевые порядки 331-го полка. 1-й и 2-й батальоны полка, занявшие Галицу и Бродок, оказались окруженными. Батальоны продолжали отважно драться, но выхода с боем найти не могли. Командир полка полковник Бушуев, находившийся со своим командным пунктом вне окружения, решил лично в танке прорваться к батальонам, чтобы помочь им выйти из окружения.

Об этом человеке в дивизии до сих пор вспоминают с чувством восхищения. Широкоплечий, огромного роста, силач, неустрашимый, при любых обстоятельствах спокойный командир, заботливый и вдумчивый, отец своих подчиненных, глубоко и разносторонне образованный человек, он пользовался огромной популярностью в дивизии.

Танк, на котором отправился к своим батальонам полковник Бушуев, был встречен сосредоточенным артиллерийским огнем противника. Полковник был смертельно ранен, и водитель танка повернул обратно. Батальоны же под командованием капитана Старкова и Бабия в течение 22 дней пробивались из окружения, пока не соединились с нашими частями.

Бешеной лавиной рвались немецкие бронетанковые соединения вперед. Враг стремился молниеносными темпами, кратчайшим путем прорваться к Москве, и это, как он надеялся, дало бы ему скорую победу. «Кратчайший» же путь на Москву лежал через Минск—Смоленск. Сюда и устремило немецкое командование бронированный кулак своих отборных танковых и мотомеханизированных дивизий. Поскольку фашистская Германия начала войну, она имела возможность выбрать время для нападения и те направления, по которым должны были разыграться основные бои. Она имела поэтому возможность на этих направлениях сосредоточить такие силы, которые обеспечивали ей подавляющее местное превосходство над нашими силами как численное, так и в технике.

Сказывалось все значение внезапности нападения.

Сказывалось помимо того численное превосходство противника в танках и авиации.

Под натиском немецко-фашистских войск Красная Армия должна была отходить.

Решающей задачей этого периода войны было провести стратегический отход организованно, в полном порядке. Нужно было отходить, нанося в то же время противнику возможно больший урон, чтобы в наибольшей степени измотать врага, истребить его живую силу, подорвать его технику. Весьма важно было задержать противника возможно дольше на промежуточных рубежах, чтобы дать возможность стране от мобилизоваться, собрать, вооружить и выставить на линию фронта армии военного времени. Важно было, одним словом, сорвать гитлеровский план молниеносной войны. Это было успешно сделано нашей Красной Армией, и в числе самых стойких дивизий, сумевших наиболее удачно выполнить боевую задачу этого периода, была 100-я дивизия.

* * *

Утром 29 июня дивизия получила приказ об отходе на следующий оборонительный рубеж, восточный берег реки Волмы. Организованно, в полном порядке дивизия под огнем противника совершила марш и заняла

новый рубеж обороны. Уже на следующий день перед фронтом 355-го полка развернулось около полка немецкой пехоты, пошедшей в наступление. Далеко продвигнуться фашистам не пришлось: артиллерийским и пулеметным огнем весь полк был рассеян, а на поле боя остались сотни убитых и раненых.

Однако общестратегическая обстановка вынуждала Красную Армию к дальнейшему отступлению. Командование приказало дивизии отойти дальше, на рубеж реки Березины. Нужно было, переправившись через Березину у местечка Березина, занять оборону на восточном ее берегу. Когда дивизия подошла к реке, оказалось, что противник уже опередил наши части и занял переправу у местечка Березина. Это и не удивительно. В самом начале наступления противнику удалось захватить основные шоссе-магистралы. В дальнейшем он удерживал их всей мощью своих танков, двигавшихся по этим дорогам, и бомбардировочной авиацией, не дававшей возможности нашим войскам использовать столбовые дороги. Вследствие этого противник двигался по прекрасным белорусским шоссе, а наши части должны были отступать по проселочным дорогам, по лесам и болотам.

У местечка Чернявки части дивизии успешно переправились на восточный берег.

При всех этих трудностях и невзгодах боевой дух дивизии оставался несокрушимым. Дивизия выполняла приказы высшего командования об отступлении, но, отступая, она яростно отбивалась, наносила противнику чувствительные удары.

Для прикрытия отхода частей дивизии 6 июля был сформирован сводный отряд под командой капитана Яценко. Туда вошли разведывательный батальон, дивизион противотанковой обороны, зенитный дивизион и взвод добровольцев батальона связи. В 7 часов следующего дня отряд принял бой с превосходившими силами врага. Со стороны врага в бою участвовали танки, артиллерия, мотоциклисты-автоматчики, пехота. Сильно сказывался перевес немцев в технике. Несмотря на это наши люди дрались смело. Пример доблести и бесстрашия показывали командиры. Командир разведывательного батальона майор Бартош вел своих людей на непосредственное соприкосновение с неприятелем, на лихой удар в штыки. Столкнувшись с группой немцев лицом к лицу, майор Бартош вместе с несколькими сопровождавшими его бойцами и командирами вступил в бой. Когда иссякли патроны в диске «ППД» (пистолета-пулемета), майор бросился вперед, схватил за горло немецкого офицера и повалился вместе с ним на землю в смертельной рукопашной схватке. Задыхаясь под свалившим его Бартошем, немец изловчился, высвободил одну руку и стал доставать кинжал из ножен. Подоспел в этот миг младший лейтенант Войтенко. С богатырской силой опустил он приклад своего «ППД» на голову фашиста. Приклад разлетелся вдребезги, но вместе с ним разлетелся и фашистский череп. Бой продолжался. Сержант Яков Беляев вел из своего броневика непрерывный огонь по неприятелю. Немецкие пушки сосредоточили на нем свой огонь. Как ни густо ложились снаряды вокруг броневика, сержант все же продолжал свой смертоносный огонь. Наконец от прямого попадания снаряда броневик загорелся.

— Выходи из машины! — крикнул ему политрук Мишук.

— Пока могу стрелять, не выйду! — ответил герой.

На Беляеве стала гореть одежда. Тогда только он выскочил из броневика, но и тут сохранил полное самообладание и решимость продолжать бой. Вытащив из броневика пулемет, Беляев залег и возобновил огонь по немцам.

Обожженный, полуслепый, раненый, он не прекращал стрельбы до тех пор, пока вражеский снаряд не пресек жизнь неукротимого советского воина. Правительство присвоило ему звание Героя Советского

Союза. Это была посмертная дань славы героизму и самоотверженности верного сына родины.

Противник немало потерял в результате героического сопротивления отряда Яценко. Пока отряд дрался, основные силы дивизии продолжали отход по предписанному приказом маршруту. Им тоже приходилось вести бой. Противник наступал не только в лоб, он старался обходить и охватывать фланги, поэтому, несмотря на арьергардное прикрытие, приходилось постоянно вступать в бой главным силам.

Противник продолжал свой танковый нажим. Днем 8 июля разведка донесла, что в районе местечка Головичи сконцентрировано около 200 немецких танков. Отдельные группы танков время от времени переходили в наступление, пробивая боевые порядки дивизии и окружая отдельные ее подразделения. К середине дня 9 июля были окружены в лесах западнее Эсьмоны 85-й и 331-й стрелковые полки с 34-м артиллерийским полком. Полки продолжали драться в окружении. Несмотря на страшную усталость, недостаток боеприпасов, под постоянными бомбежками с воздуха, люди продолжали драться, пробивались вперед и присоединялись к своим частям.

В труднейшей обстановке пришлось дивизии переправляться через Днепр. Превосходящие силы противника бешено наседали, обгоняя по лучшим дорогам отходящие части, стараясь во что бы то ни стало окружить их и уничтожить. Полк Шварева подошел к Днепру под непосредственным нажимом противника. Комиссар полка Гутник с пятнадцатью бойцами несколько часов сдерживал наступающего противника, прикрывая переправу полка. Лодок не хватало для переправы. Люди отважно бросались вплавь. Красноармеец Елевич снял полковое знамя с древка, обмотал его вокруг себя и переплыл с ним Днепр. Только после того, как на западном берегу не осталось никого из бойцов, последним переправился вплавь через Днепр командир полка полковник Шварев.

К середине июля по приказу высшего командования дивизия сосредоточилась югозападнее Вязьмы. Там она должна была пополниться и доукомплектоваться.

Закончился первый этап участия дивизии в борьбе против германского фашизма. За три недели дивизия прошла трудный, суровый, но почетный путь. Она отступала, но хорошо проведенное отступление не раз входило в историю военного искусства, как блестящая военная операция. Пока 100-я и многие другие дивизии Красной Армии, отступая, принимали на себя всю силу внезапного удара германских армий и сдерживали их напор, страна собиралась с силами, развертывала новые дивизии, готовила врагу достойный отпор.

* * *

Важнейшим итогом первого месяца войны было то, что гитлеровский план молниеносной войны провалился. Фашисты рассчитывали, продвигаясь быстрыми темпами вперед, безостановочно достигнуть Москвы и закончить войну в полтора — два месяца. Измотанная непрерывными боями, потерявшая свои лучшие дивизии, фашистская гвардия остановилась в нескольких десятках километров западнее Смоленска. Для того чтобы совершить следующий скачок и попытаться выполнить гитлеровский план захвата Москвы, германская армия должна была отдыхать и собрать новые силы. Это само по себе означало для немецких фашистов серьезное поражение.

Задача ближайшего времени, стоявшая перед армиями Западного фронта в июле и августе 1941 года, заключалась в том, чтобы, задержав продвижение неприятеля, нанести ему ряд контрударов и сорвать план наступления на Москву.

Исходным пунктом для нового наступления фашисты выбрали небольшой городок Смоленской области — Ельню. В район Ельни стягивали массы авиации, танков, пехоты. Природные условия района были весьма благоприятны для использования его в качестве плацдарма. Ельня расположена в котловине, окруженной со всех сторон, в радиусе 8—10 километров, высотами. Район богат хорошими дорогами, широко разветвленными во все стороны. Немцы захватили командующие над местностью высоты, укрепились на них и занялись подготовкой наступления.

Наша задача заключалась не только в том, чтобы задержать наступающие немецкие части, но и прежде всего в том, чтобы разгромить ельнинский плацдарм и сорвать тем самым наступление на Москву. Эта задача была возложена на несколько дивизий Красной Армии, в числе которых была и 100-я.

Дивизия была пополнена бойцами и вооружением. В состав ее вошел отборный батальон политбойцов — московских и ленинградских коммунистов и комсомольцев. Это замечательное пополнение дало славаой дивизии еще большую стойкость в бою, упорство и неустрашимость.

Первым вступил в бой за ельнинский плацдарм 355-й стрелковый полк. 24 июля, в 11 часов утра, полк перешел в наступление по большаку Дорогобуж — Ельня. Его ближайшей задачей было занять село Ушаково, в котором немцы основательным образом укрепились. Под сильным пулеметным и минометным огнем противника бойцы сумели подойти к Ушакову и обратить немцев в бегство. В 4 часа дня Ушаково было в наших руках.

Это было только началом борьбы. Немцы никак не хотели примириться с потерей Ушакова. Они пустили в ход все средства для того, чтобы восстановить прежнее положение. К вечеру полк был вынужден под напором превосходящих сил противника оставить Ушаково.

На следующий день полк опять пошел в наступление. Всю ночь продолжался бой. К 7 часам утра Ушаково было опять занято нами. Но и после этого оно неоднократно переходило из рук в руки.

Первый день наступательных операций Красной Армии под Ельней показал, как серьезна и трудна задача, поставленная перед дивизией. Противник сосредоточил на небольшом сравнительно участке крупные силы, оснащенные танками, действовавшие при постоянной поддержке авиации, обладавшие мощным автоматическим вооружением и большим количеством минометов.

В бой вступили остальные полки дивизии. Занял боевые позиции 85-й полк под командой майора Карташева. И едва только он успел окопаться, как против первого его батальона пошла в наступление немецкая пехота. Во весь рост, стреляя на ходу из автоматов, двигалась «психической атакой» несколько сот фрицев. Фашисты были уверены в том, что один вид их атакующей цепи обратит в бегство бойцов Красной Армии. Но немцы просчитались.

— За Родину, за Советскую власть, за Сталина! — гремел голос старшего политрука Петрова.

Ему отвечало дружное красноармейское «ура», и со штыками наперевес бойцы пошли в грозную контратаку. Старший политрук Петров первым заколол двух немцев, и закипела молодецкая штыковая работа. С воем и визгом спасались немцы от русского штыка, обнаружив большую резвость бега. На поле боя осталось несколько десятков немецких трупов.

И на этом участке и на ряде других немцы неоднократно пытались переходить в наступление. Но каждый раз натывались на крепкую оборону.

Инициатива боевых действий под Ельней была в начале августа прочно захвачена нашими войсками. В течение месяца 100-я дивизия вела

упорные, кровопролитные наступательные бои, отвоевывая у немцев метр за метром, неуклонно продвигаясь вперед. Замечательную боевую работу показала наша артиллерия. Гаубицы не давали покоя немцам ни днем, ни ночью. Они разрушали блиндажи, окопы и наблюдательные пункты, они беспощадно и метко уничтожали живую силу врага.

Восемь контратак предпринял противник в зоне обстрела 34-го артиллерийского полка. И все эти атаки блестяще отражались огнем артиллерии. Командир полка майор Минервин все время находился в боевых порядках пехоты. Он выдвигал свои наблюдательные пункты возможно ближе к противнику и держал неприятельские части под неусыпным наблюдением. Маленький, подвижной, неустрашимый, он попевал всюду, где можно было засечь цели. Дивизионы 34-го полка постоянно слышали его звонкий голос, командовавший по телефону очередные ориентиры стрельбы. Пленные немцы, взятые на участках, где действовал полк Минервина, с содроганием вспоминали на допросах о том, как действует наша артиллерия. По их показаниям, наша артиллерия выводила из строя в некоторых случаях до 60% личного состава немецкого подразделения.

При поддержке артиллерии стрелковые полки нашей дивизии непрерывно «долбили» неприятельские позиции, изматывая немцев, держа их в состоянии постоянного напряжения. В любую минуту дня и ночи фашисты могли ожидать нашего наступления. В особенности нервничали они по ночам. Непрерывное освещение поля ракетами должно было помешать нашим бойцам незаметно подползти к неприятельским позициям. По нескольку раз в ночь немцы вдруг начинали бешеную, беспорядочную стрельбу из пулеметов и автоматов «на всякий случай». Стреляли обычно трассирующими, часто разрывными пулями. Ударяясь о дерево, о камень или просто о землю, разрывные пули с треском рвались, создавая впечатление близкой стрельбы. Все это было рассчитано на моральный эффект, на панику, испуг слабонервных людей. Но дивизия была уже достаточно закалена в боях. Спокойно переждав фашистскую стрелковую истерику, наши части продолжали свое дело.

До того как в конце августа дивизия перешла в решительное наступление на Ельню, она провела ряд частных наступательных операций, постепенно улучшая свои позиции. Дивизия понесла значительные потери в этих операциях. Особенно чувствительные потери она понесла в командном и политическом составе.

Геройски погиб комиссар 355-го полка Гутник. Этот голубоглазый, всегда спокойный и улыбающийся витебский парень был до призыва в армию рабочим. Окончив ФЗУ, он работал на одном из московских заводов. Будучи бойцом срочной службы, он скоро убедился в том, что именно военное дело является его настоящим призванием. Командиры и политработники вскоре оценили этого дисциплинированного, всегда подтянутого, способного бойца. Гутник остался в армии, и уже через несколько лет мы видим его комиссаром стрелкового полка.

Ранен был в обе ноги старый воин, испытанный в боях, хладнокровный и мужественный полковник Шварев. Осенью 1917 года солдат царской армии рабочий Шварев поступил в Красную Гвардию. С того времени он не снимал военной формы. Он прошел с Красной Армией весь ее великий исторический путь побед, начиная с гражданской войны и кончая финской кампанией. На этом пути красногвардеец Шварев стал полковником.

В 85-м полку один за одним вышли из строя в результате ранения два комиссара полка — старшие политруки Карнаух и Горянский. Ранен был и любимец полка, жизнерадостный и храбрый старший политрук Петров. Погиб командир 331-го полка майор Солошенко. В приказе по полку накануне наступления он писал: «Требую от командиров подразделений решительного наступления; первый батальон — направляющий,

с ним иду сам». Он пошел впереди батальона и с возгласом «За Родину! За Сталина!» — повел его в атаку. В этот момент вражеская пуля оборвала его жизнь.

Личное мужество, проявленное в ельнинской операции начальствующим составом дивизии, было беспредельно. Патриотизм этих героев, их презрение к смерти, их бесстрашие служат благородным примером для всех воинов дивизии.

К началу сентября ельнинская группировка противника находилась в полуокружении, «в мешке». Вместе с несколькими другими соединениями наша 100-я дивизия сжимала кольцо вокруг Ельни.

В течение 5 и 6 сентября шло упорное продвижение наших частей в обход Ельни справа. Когда полки дивизии обошли Ельню и пересекли железнодорожное полотно, соединявшее Ельню с немецким тылом, немцы побежали. В оставшееся им для выхода узкое горло шириной около 7 километров хлынули уцелевшие фашистские части. Наши полки подвигались вперед бегом, стараясь нанести отступающему противнику возможно больший урон. Клин, вдавшийся в наш фронт, был срезан. Плацдарм, с которого фашисты собирались еще в августе начать наступление на Москву, был уничтожен. Двадцатishестидневные бои закончились разгромом семи пехотных и танковых немецких дивизий.

Это была серьезная победа. Ее значение сказалось на дальнейшем ходе военных операций. Впервые с того момента, как Гитлер начал в 1939 году войну против Польши, немецкая армия потерпела серьезное поражение. Был нанесен крепкий удар сказке о непобедимости немецкой армии. Было доказано, что Красная Армия в состоянии громить и разгромить хваленые немецко-фашистские армии.

Нарком Оборона дал высокую оценку действиям частей 100-й дивизии под Ельней. 355-й полк был награжден высшей наградой — орденом Ленина. 46-й гаубичный полк получил орден Красного Знамени. А через неделю после окончания ельнинской операции дивизия стала именоваться Первой гвардейской ордена Ленина стрелковой дивизией.

Осенью 1941 года противник перешел в новое наступление, собрав огромные силы и возвестив на весь мир, что это наступление решит судьбу войны. В обычной для него хвастливой речи Гитлер заявил, что полное уничтожение всей Красной Армии — это вопрос нескольких дней...

Под напором немецко-фашистских полчищ части Красной Армии продолажали планомерно и организованно отступать, сохраняя свою живую силу и технику, изматывая врага в оборонительных боях, нанося ему все более крепкие и чувствительные удары.

И в этот период Первая гвардейская дивизия, используя свой богатый боевой опыт, дала наглым захватчикам немало уроков того, как воюют сталинские гвардейцы.

Сунувшись на участок обороны дивизии и получив настоящий гвардейский отпор, немцы стали выбирать для своего наступления другие участки. Когда по приказу командования дивизия предприняла стратегический отход, немцы ее не преследовали в течение довольно долгого времени: они знали силу и стойкость гвардейской дивизии.

Через некоторое время противнику удалось превосходящими силами обойти фланги дивизии и отрезать ей пути отхода. В окружении оказались не только главные силы дивизии, но и штаб ее и ряд тыловых подразделений. В глубокой и вязкой осенней грязи выходила дивизия из окружения в течение одиннадцати дней. На пути своем она разгромила несколько немецких групп и подразделений и, сохранив всю свою живую силу, в полном порядке вышла из окружения. Это было достигнуто благодаря железной дисциплинированности гвардейцев, блестящей организации марша и боя командованием дивизии.

* * *

До 6 декабря наши войска вели ожесточенные оборонительные бои... 6 декабря 1941 года войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление. Первая гвардейская дивизия находилась в это время уже на Югозападном фронте. Она пополнилась еще одним полком, сформированным в Воронеже из добровольцев — рабочих и интеллигенции — под командой полковника Вайцеховского и батальонного комиссара Латышева. Одновременно с тем, как разыгрались решающие, исторические бои на подступах к Москве, перешла в наступление и группа наших войск на Югозападном фронте.

Началу наступления предшествовала огромная политико-массовая работа, проведенная партийными организациями и политаппаратом дивизии. За несколько дней до начала наступления бойцы и начальствующий состав дивизии, отличившиеся в предшествующих боях отечественной войны, получили ордена и другие правительственные награды. В пламенных речах перед фронтом всей дивизии награжденные заявили, что будут в дальнейшем еще крепче бить ненавистных оккупантов, не щадя своих сил и жизни. На следующий день дивизии было вручено гвардейское знамя, что еще более усилило патриотический подъем, охвативший весь личный состав.

В ночь с 5 на 6 декабря при лютom морозе с ветром полки дивизии совершили тридцатикилометровый марш к исходным позициям своего наступления. И 6 декабря, в тот славный день, когда началось наступление под Москвой, пошла в стремительное наступление на своем участке и Первая гвардейская.

После двухдневного ожесточенного боя полком было взято укрепленное противником село Стрелецкое.

* * *

Это большое село, все изрезанное оврагами, было весьма удобно для обороны. Овраги представляли собой естественные крепостные рвы, которые наступающая сторона должна была либо обходить либо преодолевать под огнем противника, взбираясь на их крутые склоны. И то и другое представляло немалые затруднения. Дома в селе были преимущественно каменные. За их стенами немцам было легко укрываться от пулеметного и ружейного огня. Над местностью господствовала высокая колокольня, на которой немцы установили четыре пулемета. Больше двух десятков орудий, много минометов и пулеметов, свыше 500 человек пехоты — вот что предстояло преодолеть полку Вайцеховского.

На рассвете полк подошел к селу. Первоначальный замысел заключался в том, чтобы незаметно охватить те хаты, в которых расположились немцы, и, не дав врагу опомниться, уничтожить его живую силу мелкими группами. Этот замысел не удался. Из первой хаты было выведено шесть немцев с послушно поднятыми вверх руками; но вследствие ли неосторожности некоторых бойцов или какой-нибудь случайности немцы подняли тревогу раньше, чем наши успели пройти окраинные хаты села. Поскольку внезапный удар не увенчался успехом, предстоял упорный и кровопролитный бой в дневной обстановке. Гвардейцы не уклонились от боя.

Открыла огонь наша артиллерия, и под его прикрытием пехота пошла вперед. Продвинуться ей было, однако, чрезвычайно трудно: окраины деревни защищались огнем минометов и многочисленных пулеметов, из центра деревни вела ураганный огонь неприятельская артиллерия, с колокольни непрерывно строчили четыре станковых пулемета. Около десяти часов длился бой, не принеся никаких существенных успехов

гвардейцам, если не считать того, что им удалось закрепить за собой окраину деревни. Дальше двигаться было все же невозможно из-за ураганного огня немцев. Нужно было уничтожить или в крайнем случае подавить огневые точки противника.

Сильней всего мешали продвижению пулеметы, расположенные на колокольне. Во что бы то ни стало нужно было уничтожить эту огневую точку. Полковник Вайцеховский приказал выдвинуть артиллерию на открытую позицию. Несколько пушек было подтянуто вперед на расстояние 500 метров от колокольни. Прямой наводкой ударили орудия по осиному гнезду. После третьего залпа вражеская четырехпулеметная огневая точка перестала существовать. Прямым попаданием снаряда был срезан самый шпиль колокольни. Заговорила в это время и часть орудий, отобранных в бою у немцев. Крепко били немецкие пушки немецкими снарядами по немецко-фашистской банде. Дело же завершила все-таки в конце концов пехота.

Когда огневые точки врага были подавлены и частично уничтожены, стрелки пошли в решительную атаку. Оставалось уничтожить засевшие в селе группы автоматчиков, оставленных немцами для прикрытия своего бегства. Несмотря на сильный огонь наши подразделения двигались вперед и беспощадно выжигали остатки банды. Великолепно действовали советские автоматчики Маклаков и Мунк. Героически дрался инструктор пропаганды полка старший политрук Долгов. Когда группа бойцов, с которой он находился, попала под перекрестный огонь вражеских автоматчиков и готова была дрогнуть, Долгов бросился вперед и увлек за собой остальных бойцов. Немецкие автоматчики были ликвидированы.

К исходу второго дня штурма села Стрелецкого укрепленная вражеская позиция была взята. Путь был открыт для дальнейшего наступления дивизии, и наступление продолжалось. Одно за другим освобождались от немецких захватчиков советские селения.

* * *

Немцы удирали стремительно. Длинные колонны автомобилей, целые дивизионы пушек, в особенности противотанковых, много мотоциклов, пулеметов, винтовок, автоматов бросали фашистские «завоеватели» в селах и на дорогах. Оставляя, например, село Шатилово, немцы бросили там 80 автомобилей, 4 орудия, 2 станковых пулемета, 5 мотоциклов, много повозок с военным имуществом.

С величайшей радостью и торжеством встречали Красную Армию советские люди — жители освобождаемых селений и городов. Люди выходили из погребов, свободно вдыхали полной грудью морозный зимний воздух и принимались за ликвидацию результатов немецкого хозяйничанья. Доверчиво прижимались детишки к своим освободителям, ласково гладили их головки загорелые, сильные руки советских воинов. Люди плакали от радости, завидев части Красной Армии, вступившие в село.

Группа командиров штаба дивизии во главе с комиссаром дивизии, находясь на рекогносцировке, выехала вперед и раньше наших основных сил заехала в село Малиново. Вначале они увидели совершенно безлюдную, как бы вымершую, деревенскую улицу. Майор Кузенный, держа наготове автомат, зашел в первую же хату, для того чтобы узнать, ушли ли немцы из села. Когда он вышел из хаты, за ним возбужденно и радостно выбежала вся семья колхозника. Буквально через несколько секунд собралась целая толпа ликующих людей, обнимающих и целующих наших командиров, наперебой приглашающих их в хаты погреться, покушать, отдохнуть.

— Старуха! — кричит босой старик. — Лови курицу — последняя осталась; от немцев спрятал я ее, теперь давай режь, угощай дорогих гостей!

— Не надо, папаша, — останавливает его командир, — она тебе яйца будет нести.

— Не надо мне яиц, — кричит старик, — лишь бы вы были сыты! Заходите, заходите скорей ко мне в хату!.. Бежали-то, ведь как проклятушие немцы!

Бойцы батальона капитана Мехова, овладев селом Дубовцы, услышали от граждан потрясающие рассказы о хозяйничанье немцев.

В Дубовце немцы ни за что ни про что расстреляли 8 человек, в Красотыновке — 13 человек; в селе Безобразовке они перед отступлением вывели всех мужчин села, преимущественно стариков и подростков, которых удалось собрать, — всего 32 человека — и расстреляли. В селе Ханыхах солдат застрелил женщину, мать восьми детей, за то, что она не сразу дала ему лампу, которую он потребовал. В Дубровце и Красотыновке немцы забавлялись тем, что бросали гранаты в погребя, где женщины и дети укрывались от оружейного обстрела.

Многое бойцам пришлось увидеть собственными глазами.

В разрушенной церкви села Россошного, на мерзлой земле лежал 31 труп красноармейцев и командиров. Шинели и сапоги были сняты почти со всех, с некоторых сняты и теплые ватные брюки. Все до единого тела резко исхудавшие и истощенные, со следами тяжелых побоев и истязаний. По внешнему виду трупов можно ясно понять, что людей этих незадолго до смерти свирепо били по голове и животу.

Такие картины видели гвардейцы, продвигаясь вперед и освобождая сотни километров нашей родной земли от немецких оккупантов. Яростью и ненавистью наполнялись сердца. «Месть людоедам! Смерть хищникам!» — с этой единой мыслью рвались люди вперед, в бой, на истребление оккупантов.

За одиннадцать дней, с 6 по 17 декабря, доблестные гвардейцы прошли с боями 116 километров, последовательно разгромив несколько немецких полков, и вышли в район Россошное.

На опушке дубового леса, в том месте, которое на карте отмечено надписью «Ветерин», окопались немцы. Они зарылись глубоко в землю, построили дзоты с массивными дубовыми накатами, установили пулеметы. С этих позиций они могли держать под пулеметным обстрелом подступы из леса к сильно укрепленному немцами селу Старице.

Командование дивизии приказало части Худякова взять дзоты и освободить от противника весь лес. Это было нелегкой задачей, ибо дзоты были вооружены пулеметами и ограждены колючей проволокой. Нужно было все тщательнейшим образом подготовить. Днем были проведены специальные занятия с бойцами. Было создано несколько штурмовых групп, в задачи которых входило завершить удар по дзотам легкой атакой. На пути, по которому немцы могли бы попытаться ударить, была выставлена засада, которая должна была уничтожить их своим огнем. Командиры и политруки разъясняли бойцам, какое большое значение имеет предстоящая операция. Командир полка майор Худяков обратился к участникам операции. «Не пожалеем, — сказал он, — своей жизни, выполним приказ командования! Очистим лес от фашистской мрази! Этим мы поможем нашим войскам продвинуться вперед и гнать дальше немчуру. Вперед, товарищи гвардейцы! Пропуск — за Родину! Отъез — за Сталина!»

Атака должна была начаться ровно в полночь. Сигналами ее должны были служить три автоматные очереди и волчий вой. В назначенное время прозвучали три очереди и лес огласился мастерским воем

с командного пункта полка. Началась атака. Но сразу взять дзоты не удалось. Под сильнейшим огнем минометов, пулеметов и автоматов атакующее подразделение понесло потери, и бойцы залегли на расстоянии нескольких десятков метров от проволочных заграждений.

Приходилось пережить горечь неудачи, щемящее чувство боли за невыполненную боевую задачу. Для гвардейца это чувство — самое горькое, самое обидное и тяжелое.

— Нельзя не выполнить! — решили гвардейцы.

И уже утром, при полном дневном свете, атака была возобновлена. Стремительным рывком гвардейцы преодолели расстояние, отделявшее их от дзотов, прорвали проволочные заграждения и ворвались в дзоты. Фашисты уже выбежали оттуда. Они бросились наутек к опушке леса. Вступила в дело заблаговременно поставленная засада, и один за другим падали на землю «завоеватели», срезанные меткой автоматной очередью. Кое-кто бросился к реке, но весенний лед подломился. Пятеро немцев подняли руки: сдаются! Дзоты наши! Боевое задание выполнено.

* * *

В яростных, кровопролитных боях священной отечественной войны Первая гвардейская дивизия показала себя достойной носить это великое и почетное наименование. Ее бойцы, командиры и политработники проникнуты непримиримой ненавистью и злобой к поработителям, к фашистским хищникам.

Первая гвардейская упорно учится, учится и в те немногие дни, когда в ее боевых действиях наступает затишье, временный перерыв. Люди Первой гвардейской неустанно овладевают боевой техникой, прекрасным советским вооружением. Они изучают тактику врага, учатся разгадывать его хитрые и коварные ходы, учатся отвечать на них беспощадно метко.

Не одно сокрушительное поражение нанесут еще гвардейцы Первой заклтому нашему врагу.
